

УДК 82-6+81'38

РЕКИ БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ КАК НОСИТЕЛИ ИДЕЙНЫХ СМЫСЛОВ В ВОЕННЫХ ЭПИЗОДАХ РОМАНА-ЭПОПЕИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Т.В. Летапурс

Кандидат филологических наук,
доцент теоретической и прикладной лингвистики
e-mail: lietapurs@mail.ru

Юго-Западный государственный университет

Т.М. Малыхина

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
e-mail: etnolingv@mail.ru

Курский государственный университет

Цель данного исследования – провести литературоведческий и лингвистический анализ гидронимов Неман, Березина, Колыча, Войня и контекстуально связанного с ними сочетания «Бородинское поле», проанализировать функции некоторых слов, в частности гидронимов, их этимологическое значение и выявить особенности и задачи авторского употребления в конкретных художественных текстах, в данном случае – в военных эпизодах романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир».

В работе применены методы наблюдения, контекстуального и компаративного анализа, систематизации материала.

Проведенное сравнительное сопоставление изображения реки в военных эпизодах Л.Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир» позволило увидеть общие национальные представления о реке в контексте видения ее как отдельным человеком, так и народом в целом, и в связи с этим понять общие точки соприкосновения в представлении картины мира у Л.Н. Толстого и В. А. Гиляровского.

Река в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» связана с военными сражениями (начало войны – Неман; завершение – Березина). Река в мирном и военном художественном мире имеет как общие черты (преграда, дорога, помощница, враг, кормилица, дарительница, граница между жизнью и смертью), так и отличительные (в пространстве войны ограничена подлокосом переправы и связана с героизмом или трагической гибелью людей, их бесстрашием или страхом).

Этимология названия реки Неман позволяет понять глубинный смысл, связанный с предсказанием гибельной судьбы войска Наполеона. Название реки Березина восходит к таким качествам реки, как быстрота и блеск, в контексте описанных зимних событий дополняет картину трагической катастрофы. Локус реки (Неман, Березина) у Толстого является закрытым, подлокос переправы концентрирует главные идейные смыслы. Ядро и периферия у Толстого выглядят следующим образом: река – ледяная вода – переправа – мосты – лодки.

Важную роль играют понятия переправы и брода, которые приобретают не только сугубо военное значение, но и сакральное.

Этимология Бородинского поля, расположенного у рек Колычь (Колыча) и Войня, помогает увидеть следующее: изначальное происхождение номинации от слова «брод», Бородино – деревня у брода, Бородинское поле – местность у населенного пункта, расположенного в определенном месте реки. Следовательно, в общем постижении смысла произошедшего (почему не случилось неминуемое поражение, которое должно было случиться по всем законам тактики и стратегии военного дела) важную роль играет сакральное начало, заложенное в названии места битвы, и важное для писателя. Отчасти исторический фатализм писателя оказывается подкреплен языковой стихией: цепью единства брода с родом, ростком, порослью, деревом (арбор), вербой, ветвью, прутом, ветлой и др., что не мыслимо без воды, реки.

Ключевые слова: художественный текст, идейный смысл художественного текста, художественное пространство, гидронимы, функции и роль гидронима в художественном произведении; Неман, Березина, Колоча, Войня, река, переправа, брод.

Люди, как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою.

Л.Н. Толстой

Современные науки – литературоведение, лингвистика, философия, культурология, религиоведение – создают целостную картину художественного мира Л.Н. Толстого, напрямую связанную как с историко-литературным контекстом эпохи, так и индивидуальными особенностями творческой личности писателя. Актуальность данного исследования может быть объяснена тем, что процессу систематизации предшествуют наблюдения и частные обобщения, которые освещают важные аспекты толстовской поэтики или показывают своеобразие произведений. В силу этого авторам представляется важным рассмотрение отдельных языковых и идейно-художественных черт толстовского текста романа – эпопеи «Война и мир», посвященного военным событиям, разворачивающимся в земном пространстве, в частности на местности рек, переправ и полей битв.

Философия, связанная с постижением природы искусства и творческого процесса, советское литературоведение с середины XX века основательно занимается проблемами поэтики. Выдающиеся ученые – А.Ф. Лосев [Лосев 1991], М. Каган [Каган 1972], Ю.Н. Давыдов [Давыдов 1989], В.М. Жирмунский [Жирмунский 1977], В.М. Лотман [Лотман 2000], Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1994], В.Г. Одинокоев [Одинокоев 1971], М.Я. Поляков [Поляков 1978, 1983], Г.Н. Пospelов [Пospelов 1970, 1984] – составили основательную исследовательскую базу, благодаря которой сформировались труды современных литературоведов и лингвистов, изучающих язык, поэтику, эстетику, психологизм толстовской прозы. При

всем громадном научном материале [Андреева 1980; Асмус 1968; Бабаев 1981, 1984; Билинкис 1959; Громов 1977; Днепров 1978; Есин 1980; Ковалев 1983; Купреянова 1966; Минералов 1997; Николаева 2000; Одинокоев 1971, 1978; Эйхенбаум 1974], начиная с работ А.А. Потебни начала века, посвященных как поэтике, так и творчеству Толстого и Достоевского [Потебня 1914, 1976, 1990], сегодня появляются все новые и новые работы.

Особенностям индивидуального стиля писателя в конце советского периода были посвящены исследования П.П. Громова [Громов 1977], В.Д. Днепроева [Днепров 1978, 1985], Л.И. Ерёминоев [Ерёмина 1983] и многих других. Осмысление художественного опыта Толстого, языка и стиля его произведений в контексте историко-литературного развития отечественной культуры второй половины XIX в. позволило существенно, а иногда и нетрадиционно понять и время художника, и его изыскания.

Поскольку в центре нашего внимания находится язык и стиль художественного пространства Л.Н. Толстого, отметим диссертационную работу К.А. Нагиной «Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л.Н. Толстого» [Нагина 2013], которая считает, что пространственные универсалии (в их числе исследователь выделяет *дом, сад, горы, пустыню и метель*) влияют на «семантическое и оценочное наполнение попадающих в сферу их притяжения образов, мотивов и тропов». Кроме того, эта полисемантичность тесно связана «с замеченной «текучестью» «представлений о человеке», «диалектикой души» Толстого. Отсюда в контексте данной мысли не менее интересной оказывается пространственная универсалия – река, к которой мы и обращаемся.

И.Б. Павлова, исследовавшая мотивы воды и огня в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», пишет следующее: «Мотивы водной стихии, воды-субстанции выполняют в произведении Толстого функцию *мироорганизующую* (процессы, происходящие с каплями вод, символизируют закономерности жизни национальной и отдельного человека по отношению к Абсолюту), *психологическую, социально-этическую, сюжетобразующую* (вода-субстанция, водная стихия находится в связи с художественным пространством и временем, а пространственно-временная категория является одним из средств развертывания сюжетного повествования)».

Прослеживается связь образа вод в романе-эпопее с мифологией и фольклором.

В масштабном произведении, созданном Толстым, занимает важное место мотив переправы, переходного состояния между небытием и жизнью, гибелью и спасением, победой и поражением, с которым тесно связан мотив смерти и ее загадки.

Река/озеро играют роль границы между двумя противостоящими друг другу силами, на них располагается «точка» невозврата.

Образ вод в романе-эпопее символизирует исторические процессы, судьбы народов, суд Провидения, а также вечные народные чаяния обетованного «инога царства», глубинную психологию масс.

Водной стихии уподобляется в «Войне и мире» неумолимое движение времени, текучесть, изменчивость сущего и человеческой жизни, психологическое состояние героев, «и в то же время стоячая, загрязненная вода ассоциируется с тоской, угасанием, с танатосом, может стать вместо очищения средством поругания» [Павлова 2020: 117].

В данной работе рассматривается четыре гидронима: *Неман* и *Березина*, *Колыча* и *Войня*. Это связано с определением функции и особенностей изображения рек в художественном пространстве у Толстого – Немана и Березины. Выбор исследовательского материала продиктован, кроме того, целью сопоставления мирной и военной темы, уяснения точек соприкосновения и принципиальных различий в языковом материале.

«Река и война» – одна из важнейших тем художественной литературы.

Реки как границы и военные преграды, где начинаются, продолжаются и заканчиваются войны, где всегда происходят античные сцены страха и ужаса, сопряженные с нечеловеческим напряжением и героизмом, являют нам в описании авторов не только часть пространства, но, кроме того, национальное восприятие людей и восприятие, зависящее от качества момента, того действия, что совершает человек.

Л.Н. Толстой ключевое начало французского нашествия 1812 года осмысляет на примере перехода через Неман.

Хронотоп Толстого в данном случае отличается вниманием к временным и пространственным точным деталям: 29-го мая Наполеон выезжает из Дрездена, 10-го июня он останавливается в имении в Вильковисском лесу, 11 июня подъезжает к Неману, чтобы осмотреть местность, и 12 июня начинается война с переходом через границу – Неман.

«На другой день Наполеон, обогнав армию, в коляске подъехал к *Неману* и, с тем чтобы осмотреть *местность переправы*, переоделся в польский мундир и выехал на *берег*. Увидав на той стороне казаков (*les cosaques*) и расстилавшиеся *степи* (*les steppes*), в середине которых была *Moscou la ville sainte*, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить *Неман*» [Толстой: 6: 13]. Итак, началось своего рода повторение формулы *Alea jacta est!*

«12-го числа рано утром он вышел из палатки, раскинутой в этот день на *крутом левом берегу Немана*, и смотрел в зрительную трубу на выплывающие из Вильковисского *леса* потоки своих войск, разливающихся по *трем мостам, наведенным на Немане*. (...) 13-го июня Наполеону подали небольшую чистокровную арабскую лошадь, и он сел и поехал галопом к одному из *мостов через Неман*, непрерывно оглушаемый восторженными криками, которые он, очевидно, переносил только потому, что нельзя было запретить им криками этими выражать свою любовь к нему; он проехал по одному из *качавшихся на лодках мостов* на ту сторону, круто повернул влево и галопом поехал по направлению к Ковно, предшествуемый замиравшими от счастья, восторженными гвардейскими конными егерями, расчищая дорогу по войскам, скакавшим впереди его. Подъехав к *широкой реке Вилии*, он остановился подле польского уланского полка, стоявшего на *берегу*» [Толстой: 6: 14].

Пространственное видение в локусе *реки Неман* сводится к подлокусу *переправы (берег; крутой левый берег; три моста, наведенные на Немане; мост через Неман; качавшиеся на лодках мосты на ту сторону)*. Художественное пространство включает гораздо бóльшую землю: *расстилавшиеся степи, Вильковисский лес, Ковно, дорогу и берег широкой реки Вилии* (приток Немана).

Кульминационным эпизодом переправы является решение командира польского уланского полка переплыть реку на глазах императора. Композиционно эпизод построен очень четко: ради внимания императора польский полковник принял решение форсировать реку без брода: вплавь из-за глубины реки и быстрого течения всем ее преодолеть не удалось, в результате – гибель людей, лошадей, спасение утопающих на лодках. «Обожание императора» и тщеславие полковника, в числе немногих, оказавшихся на берегу, обошлось очень дорого. А итог разыгравшейся трагедии? Наполеон причислил бросившегося без нужды в реку польского полковника к когорте чести (Legion d'honneur), которую Наполеон и возглавлял.

Мы имеем два представления о героизме. Первый – это рационально осмысленное действие, ведущее к победе через исключительное самопожертвование. Настоящий героизм исключает абсурд: если через полверсты находится брод, то какой смысл утонуть в реке? В ней можно утонуть, если нет другого выхода. А что же происходит здесь? Происходит то, что именуется вторым, «иным героизмом». С точки зрения любви к «обожествленному» Наполеону, смысл состоит в том, чтобы показать поклонение, обожание и верность императору в действе, которое связано с безрассудством. Наступает минута эмоционального «помешательства»: проявляется верноподданность, оплаченная жизнью. Адьютант, отвечающий польскому полковнику, думает, что излишнее рвение не

повредит. Наполеона же оно раздражает: он уже привык и к поклонению, и к «безумию самозабвения».

Мотивация героев объяснена автором вполне «открыто». Поскольку большая часть польских уланов погибла бессмысленно, поведение всех участников Толстым осуждается. Но эмоциональное наполнение «подтекста» гораздо шире, и рождает его «языковая стихия», раскрывающая то, что происходит около реки и в реке: «... старый усатый офицер с *счастливым лицом и блестящими глазами*, подняв кверху саблю, прокричал: «Виват!» – и, скомандовав уланам следовать за собой, дал шпоры лошади и подскакал к реке. Он *злобно толкнул* замявшуюся под собой лошадь и *бухнулся в воду*, направляясь вглубь к *быстрине течения*. Сотни уланов поскакали за ним. *Было холодно и жутко на середине и на быстрине течения. Уланы цеплялись друг за друга, сваливались с лошадей, лошади некоторые тонули, тонули и люди, остальные старались плыть кто на седле, кто держась за гриву*. Они старались плыть вперед на ту сторону и, несмотря на то, что за полверсты была переправа, *гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшего на бревне и даже не смотревшего на то, что они делали...*» [Толстой: 6: 14-15]. У Толстого и в данном эпизоде присутствует контрастное смешение чувств, передающее сложность психологического состояния человека, столкновение «духовного» и «животного»:

<p><i><u>счастливое</u> лицо и <u>блестящие</u> глаза;</i></p> <p><i><u>гордились тем, что они плывут и тонут под взглядами человека (...)</u></i></p>	<p><i><u>злобно толкнул</u>; <u>бухнулся в воду</u>.</i></p> <p><i>Было холодно и жутко;</i></p> <p><i>Уланы <u>цеплялись друг за друга</u>, <u>сваливались с лошадей</u>, лошади <u>некоторые тонули, тонули</u> и люди, <u>остальные старались плыть кто на седле, кто держась за гриву</u>.</i></p>
--	--

Пространственное поведение сложно. Здесь и погружение в воду, и течение воды, и невозможность выплыть, и борьба с природной силой, забирающей жизнь, и одиночная «победа» полковника, внешний вид которого – доказательство мощи реки, ставящей свою печать силы: «Полковник и несколько человек переплыли реку и с трудом вылезли на тот берег. Но как только они *вылезли в обшлепнувшемся на них, стекающем ручьями мокрым платье*, они закричали: «Виват!», восторженно глядя на то место, где стоял Наполеон, но где его уже не было...» [Толстой: 6: 15]. (Кто из нас сегодня способен употребить толстовское «обшлепнувшемся»?).

Зададимся вопросом: а что, собственно, добавляет к пониманию происходящего название реки, вариант ее названия, комментарий автора к тому, как герой склонен ее назвать и характеризовать? О.Д. Федченко в статье «К вопросу о литовской гидронимии» дает полное этимологическое

описание названия «Неман» в трех языках стран, где протекает данная река:

«**Nemunas** (Nemonas, белорусская Нёман) – река в Белоруссии, Литве, России (Калининградская область), впадает в Куршский залив. При множестве этимологических версий (славянская *немой* – тихий; жмудская *naminis* – домашний; финская *niemi* – ряд холмов, мыс; литовская *netunas* – весенний разлив воды) все они далеки от характеристики географического объекта – река. Вероятно, этимология гидронима связана с глаголом *mõnyti*, *-ija*, значение которого можно, прежде всего, сопоставить с *burti*. И хотя ныне глагол определяется, как «колдовать», более древняя семантика нам указывает на значение «(раз)резать». В таком контексте общее значение *mõnyti* – **разрезать, путать, обманывать, мстить (умертвлять)**. Первый компонент представлен префиксом *ni-*. А. Ванагас приводит еще несколько однокоренных гидронимов с суффиксальным дополнением, в том числе, и **Nemunėlis** (с уменьшительным суффиксом *-el-*) – река в северной Литве и южной Латвии» [Федченко 2020].

Если представить восприятие древнего человека, то его характеристика «географического объекта», скорее всего, соединяла его визуальное понимание и сакральный смысл объекта, поскольку мир вокруг обожествлялся и наделялся особой непостижимой и необъяснимой с бытовой точки зрения сущностью и функциональностью. Зрительно вода разрезала землю. При этом река, имеющая русло (которое менялось), способная разливаться и пересыхать (жить и умирать), дать пищу или не дать, напоить или отравить, очистить тело, дать ему удовольствие пловца, рыбака, «моряка», имела великую тайну: хранила то, что оказывалось на ее дне, и забирала жизнь, то есть превращалась не только в силу жизни, но и смерти.

Таким образом, читатель Толстого, «включающий» воображение и лингвистическое чутье, начинает понимать, что древняя река на пути Наполеона, забравшая сначала безрассудных улан, «обманет» его своей «тишиной», «заколдует» и, в конечном счете, «умертвит».

Наполеон подъезжал и к Вилии, притоку Немана.

«Согласно Казимерасу Буге, на которого ссылается исследователь литовской топонимики Александрас Ванагас, гидроним балтского происхождения. Указывается, что на территории Литвы есть две реки с названием *Vilija*, а также ряд гидронимов с корнем *Vil-*. В нижнем течении литовским населением называется *Neris*, однако автохтонным литовско-язычным населением верхнего течения Вилии (Гервяты) река называлась *Veilia* (Вяйля). Распространены гидронимы *Вилия/Велья* в бассейне Десны и Припяти. Эти гидронимы польский лингвист Е. Налепя также отнес к балтским, учитывая возможность вариации *vel-: vel*» [Федченко 2020].

Кроме того, на наш взгляд, любопытна и «гипотеза о «демонологическом» происхождении названия Вилия», которая связывает «лит. *velė* «души умерших» и *velnias* «чёрт» [Федченко 2020]. Если учесть указание В. Вайткявичюса о том, что в районе впадения Нарочанки в Вилию проходила граница между археологическими культурами восточно-литовских курганов и банцеровской, то самые древние представления, отразившиеся в гидронимах, вполне могли быть ключом к предсказанию дальнейшей судьбы наполеоновского войска.

Французскому императору, в подзорную трубу рассматривающему заречные просторы, не понравились ни «азиатские степи», ни «скверная страна». Он не первый, кто стоял у Немана и Вилии. Литовский язык сохранил историю и глубокую связь между пространством и воющими племенами: «Вилия под названием «Нярис» известна в письменных источниках XIII-XIV веков - *de Nere* (1260 г.), *Nerge* (1340 г.), *Nerga* (1361 г.), *Nerye* (1377, 1391, 1404 г.), *Niaris* (начало XIX века). Это название связывают с литовским *nerti* («нырнуть»). Именно от слова *Vele* (*Vėlė*) происходит и литовский праздник *Велинес* (*Vėlinės*), и литовское название знамени – *Vėliava* (*Велява*). В древности литовцы верили, что души погибших воинов сопровождают свой отряд и помогают живым воинам достичь победы – эти души во время похода жили именно в знамени, которое поэтому и называлось Велява (*Vėliava*)» [Федченко 2020].

Река Неман не имеет в романе «портрета»: ни ландшафтных подробностей, ни удивляющих деталей, ни живописно-колористических оценок, ни субъективных черт индивидуально-авторского или «индивидуально-персонажного» видения, как в случае с Бородинским полем, на которое смотрит П. Безухов. В описании событий все подчинено сугубо военной оценке местности Наполеоном, соотносящим реальность с картой.

Если переход через Неман – начало войны 1812 года, то бегство французов через Березину и их разгром – ее финал.

«Ежели про Березину так много писали и пишут, то со стороны французов это произошло только потому, что на Березинском прорванном мосту бедствия, претерпеваемые французской армией прежде равномерно, здесь вдруг сгруппировались в один момент и в одно трагическое зрелище, которое у всех осталось в памяти. Со стороны же русских так много говорили и писали про Березину только потому, что вдали от театра войны, в Петербурге, был составлен план (Пфулем же) поимки в стратегическую западню Наполеона на реке Березине. Все уверились, что все будет на деле точно так, как в плане, и потому настаивали на том, что именно Березинская переправа погубила французов. В сущности же, результаты Березинской переправы были гораздо менее губительны для французов потерей орудий и пленных, чем Красное, как то показывают цифры» [Толстой: 7: 209].

Битва при Березине – символ величайшей трагедии для французов и швейцарцев, оставшаяся в известных европейских песнях по сей день («*Bérésina*»). Для русского народа она символизирует конец наполеоновского нашествия и славную победу армии. Все, что написано Л.Н. Толстым в романе «*Война и мир*» о событиях на Березине, представляет воплощение военной кульминации и является лучшим описанием наравне с Бородинским сражением. Как всегда, у писателя свое понимание военных событий. И здесь, к счастью, не только взгляд военного офицера, но и человека, и художника, которому дано мыслить не только с точки зрения стратегии или тактики военного дела.

«Голпа французов бежала с постоянно усиливающейся силой быстроты, со всею энергией, направленной на достижение цели. Она бежала, как раненый зверь, и нельзя ей было стать на дороге. Это доказало не столько устройство переправы, сколько движение на мостах. Когда мосты были прорваны, безоружные солдаты, московские жители, женщины с детьми, бывшие в обозе французов, – все под влиянием силы инерции не сдавалось, а бежало вперед в лодки, в мерзлую воду» [Толстой: 7: 209]. Армия вступает на мост «в преисподнюю», это движение опять же безрассудно, не остановимо, полно животного страха (отсюда и образ раненого зверя, который изо всех сил старается выжить!). На одном берегу – гибель, на другом, как верится, – спасение, однако разрушаются мосты и – тысячи людей тонут в ледяной воде. Река несет только смерть.

Старшим современником писателя был еще один граф Толстой – Федор Петрович, известный скульптор-медальер. Он создал серию медальонов, посвященных событиям 1812 года. Обратим внимание на запись, сделанную в «Альбоме»: «Река Березина долженствовала быть гробом Наполеона и всей его армии. Неведомые судьбы высшего дозволили ему спастись. Жесткая стужа и снежные вихри застигли толпы бежавших среди мрачных лесов на болотистых берегах Березины. Ядры и картечи встретили их с противной стороны. Переправа их бедственна. Вода, железо, голод и стужа губят их тысячами. Во мгле, смятении и беспорядке, на грудах тел и оружия, среди поверженных коней и колесниц, попирая раздранная знамена и разсеянные трофеи врагов, Русский стоит с ясною совестью и радостным лицом. Указывая на гибель и позор сопостатов, он гласит народам и векам: “так погибают враги священного моего отечества”» [Герасимова 1820]. Искусство Ф.П. Толстого принесло ему славу и в России, и в Европе, особенно удивляет тот факт, что в Вене, в Лондоне, в Прусской академии художеств никого не смутил факт героико-патриотического пафоса изображенных событий.

В эпизодах с реками изобразительная описательность у Толстого отсутствует, поскольку акцент в случае с Неманом сделан на социальном поведении – восторге и преклонении войск и конкретных героев перед

Наполеоном. Император находится на вершине социальной иерархии, поэтому власть реки им не осознается. У войны, а, следовательно, и у переправы при отступлении нет гармонии, там царит хаос, «смятение и беспорядок».

Представление современного человека о Березине чаще всего сводится к знанию о том, что эта река протекает через всю территории Беларуси. Между тем она связана с людьми долгой и интересной историей, опять же, как и в случае с Неманом, и трудовой, и военной.

«Березина, река, по берегам которой люди проживали с древних времен, всегда много значила в их жизни. В густых лесах водилось множество животных, среди них и бобры, промысел которых всегда был в почете. В XIV в. те, кто занимался ловлей бобров, были наделены рядом привилегий: они не должны были исполнять воинскую повинность, а местные жители были обязаны обеспечивать их продуктами. В средние века река *Березина* была одним из участков торгового пути «из варяг в греки» – через нее торговые суда попадали из реки Днепр в Западную Двину. Лесные массивы, произрастающие на берегах Березины, представляли интерес для поставки древесины в соседние с Российской империей государства. Для облегчения процесса торговли лесом Павел I в конце XVIII издал указ о создании *водного пути между Днепром и Западной Двиной через Березину*. Именно в то время был построен *Сергучский канал длиной 159 км, который позволил беспрепятственно и быстро доставлять древесину, пушнину, смолу и древесный уголь в порты Риги*. Помимо транспортных барж здесь ходили пассажирские суда. В настоящее время Березинская водная система не работает, представляет собой исторический памятник» [Березина [http](http://)].

Как видим, для человека, живущего в Российской империи, Березина была достаточно знаковой рекой: название городов проистекало от того, чем она отличалась (например, Бобруйск), в XVIII веке немало народу, строившего Сергучский канал (река Сергуч) – 150 км (!), трудившегося на нем и путешествующего по этой артерии, было не просто слышано о реке, но и понимало ее значимость.

Под командованием Карла XII через Березину переправлялись шведские войска во время Северной войны в начале XVII в.

В Отечественную войну 1812 г. произошли два сражения русской и наполеоновской армии – около деревни Ствольно в июле и в районе Борисова в ноябре. В этой битве у деревни Студенки потери наполеоновского войска составили более 20000 человек. На реке установлены памятные знаки, в 1997 г. здесь была возведена часовня в память о воинах, павших в битве 1812 г.

Вопрос о происхождении названия реки связан с несколькими концепциями.

Популярна гипотеза о вероятном происхождении от балтийско-литовского *berzas* «берёза»; производные от этой основы образуются с суффиксом *-in-* *beržinis* «берёзовый», *beržynė* «березняк», *beržynas* «берёзовый лес» и т.п.; этот же суффикс и в других аналогичных балтийских названиях этого региона.

«Березина́ – название нескольких восточнослав. рек, напр. крупного притока Днепра. Совершенно несомненна связь с береза, откуда берёзина "березовая ветка". Предположение, что древнее название Днепра, греч. *αορυσθένης* (Геродот и др.), связано с Березина, висит в воздухе. Древние не имели точных сведений о верхнем и среднем течении Днепра. Против справедливо выступил Соболевский» [Фасмер <http>]. Кстати сказать, ироническое замечание было сделано М. Фасмером в адрес ученых (Рыбаков Б.А.), которые видели в гидрониме *Березина* не славянские, а греческие корни – древнее название *Борисфен*, восходящее в свою очередь к древнеиранскому.

Ю.В. Откупщиков также отталкивался от др.-греч. *Βορυσθένης*, но возводил название реки к балто-славянскому корню со значением «быстрый» (лит. *burzdùs*, праслав. **byrзь*), давшему в русском языке слово *борзый* [Откупщиков 2005].

Семантика гидронимов расширяет и углубляет смысл происходящих событий: трагедийность и безысходность войны для французов и русских людей, попавших в плен; показывает границу между жизнью и смертью, приобретает символический и нарицательный смысл смерти. Вода превращается в мифическую силу природы, означающую не просто ландшафтную преграду для передвижения, а силу родимой земли, борющейся с захватчиками (как береза – символ России, так и белорусская Березина, имеющая, на наш взгляд, соединение смыслов «*светлый, блестящий*» + «*борзый, быстрый*», «изгоняет» темного врага). Причем движение людей под пером писателя принимает характер неостановимого «животного» вихря, в котором нет осознанного действия, а есть только природный инстинкт.

Форсирование рек в военном деле отмечается особыми наградами, потому что взятие древних городов, как правило, стоящих на реках, сопряжено с полководческим мастерством и подготовленностью армии, но, тем не менее, с самыми большими потерями. В силу этой причины «*Березина*» во французском языке расширяет коннотацию и обозначает катастрофу.

Значимость моста связана не только с функциональностью, но и как в случае с балконом, – с восприятием пространства того, кто на них находится. Осознание себя «между небом (воздухом) и землей (водой)» дает как преимущества, так и эмоцию страха, если «строение» не вызывает уверенности в прочности или находится высоко. Мост, связующее звено между берегами, – «подлокус», имеющий социальное значение, его

разрушение важно только для человека, но не для природы. Мост, являясь частью локуса дороги и локуса реки, превращается в мост между жизнью и смертью. Эта мысль принимается всеми исследователями. Однако подчеркнем еще одну особенность происходящего. Ф.П. Толстой испытывал справедливый гнев в адрес врага и удовлетворение от его гибели, считая, что свершилась историческая справедливость. Это естественно в устах человека, воспевшего подвиг и героизм. Толстой же трагизм войны видит многосторонне, поэтому природная сила у него не избирательна: вместе с французами гибнут и пленные, не только мужчины, но женщины и дети.

В романе Л.Н. Толстого центральное место в силу обстоятельств как исторических, так и художественных, занимает Бородинское сражение. Выше мы подчеркнули значимость понятия «брод» в военных событиях. Далее, на наш взгляд, самый подходящий повод выяснить происхождение названия «Бородино» и поразмышлять над проблемой: как же вписывается оно в ряд пространственной лексики, что позволяет понять, почему оно там произошло, связано ли оно с бродом или имеет иные лексико-семантические истоки?

Л.Н. Толстой начал описание сражения с его местности, отказавшись от общепринятой версии об успешном расположении русских войск: «Дело же, очевидно, было так: позиция была избрана по реке Колоче, пересекающей большую дорогу не под прямым, а под острым углом, так что левый фланг был в Шевардине, правый около селения Нового и центр в Бородине, при слиянии рек Колочи и Войны. Позиция эта, под прикрытием реки Колочи, для армии, имеющей целью остановить неприятеля, движущегося по Смоленской дороге к Москве, очевидна для всякого, кто посмотрит на Бородинское поле, забыв о том, как произошло сражение» [Фасмер: 6: 194]. Писатель уточнил развитие событий, показав, что решение Наполеона перейти на левую сторону Колочи, влево от дороги, «перенесло» сражение в «поле между Утицей, Семеновским и Бородиным (в это поле, не имеющее в себе ничего более выгодного для позиции, чем всякое другое поле в России), и на этом поле произошло все сражение 26-го числа». Далее все способствовало трагическому для русских развитию военных действий: «Но так как атака на наш левый фланг произошла вечером, вслед за отступлением нашего арьергарда, то есть непосредственно после сражения при Гридневой, и так как русские военачальники не хотели или не успели начать тогда же 24-го вечером генерального сражения, то первое и главное действие Бородинского сражения было проиграно еще 24-го числа и, очевидно, вело к проигрышу и того, которое было дано 26-го числа» [Толстой: 6: 196]. С высоты времени Толстой понял, что случилось на Бородинском поле вопреки трагической перспективе: «Итак Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие

того умаляя славу русского войска и народа) описывают его. Бородинское сражение не произошло на избранной и укрепленной позиции с несколько только слабейшими со стороны русских силами, а Бородинское сражение вследствие потери Шевардинского редута, принято было русскими на открытой почти не укрепленной местности с вдвое слабейшими силами против французов, т. е. в таких условиях, в которых не только немислимо было драться десять часов и сделать сражение нерешительным, но немислимо было удержать в продолжение трех часов армию от совершенного разгрома и бегства» [Толстой: 6: 196-197]. Современники Толстого, а потом и многие исследователи его произведения повторяли, что топонимы *Колоча*, *Войня* – отзвук давних исторических военных событий в данных местах. Об этимологии этих слов скажем ниже, сейчас же обратимся к названию «Бородино».

«Топонимы с морфемой «брод» есть по всему славянскому миру. В частности, в Хорватии на реке Сава стоит Славонски Брод. Это этимологически прозрачное название. Но, как ни странно, этимологическое и даже семантическое значение топонима Бородино, стоявшего на Новой смоленской дороге у брода-переправы через речку Колоча (приток Москвы-реки), где состоялась крупнейшая битва Отечественной войны 1812 года, люди «схватывают» далеко не сразу. При ответе на вопрос о значении топонима они обычно упираются в слово «борода» и долго не могут вспомнить о существовании слова «брод». Всего одна «лишняя» буква, но и этого, оказывается, достаточно, чтобы затемнить значение сравнительно простого топонима, а факторов, маскирующих этимологию слов, значительно больше.

Бородино – распространённое имя, по России разбросаны десятки деревень с таким названием. Сейчас это, как правило, небольшие селения. Их потенциальную функциональную роль значительных транспортных узлов перехватили города, построенные позже или другими группами людей. Имена бывших уездных или нынешних районных центров чаще других населённых пунктов имеют значение 'переправа'.

Если мы представим себе речную пойму, то множество речек, ручейков, исчезающих со временем, создают загадку названия местности.

А.Е. Аникин в «Русском этимологическом словаре» проводит однокоренные славянские языковые параллели с многозначным корнем - *брод-*.

Брод I – 'мелководная речка, ручеек, образующийся из родников' ворон., 'брод в реке', 'мелководный ручей', часто в ТО и ГО: *Брод* – назв. поля, болота; || укр. брід, брѳду род. ед., ст.-укр. бродь, блр. брод, брѳду род. ед., ст.-блр. бродь, болг., макед. брод 'брод', с.-хорв. брѳд. Образовано от корня, представленного в глаг. *bresti, *brѳdѳ и *brѳsti (*brѳstї), *bredѳ, брестї°, с генетическими параллелями в лит. brādas 'брод, непроходимая грязь', лтш. brads 'брод', ср. также лит. atābradas 'место в реке или озере,

куда можно добрести», bradà 'непроходимая грязь, раскисшая дорога; проход в сыром месте'».

Брод II – 'вид ивы', 'ивняк, заросли ивы' волог., бред, брѣд 'вид ивы' ленингр., новг., 'кора одной из разновидностей ивы' Карел., новг., бред, -а, брѣд 'ива (деревья и кусты)', 'заросли ивы', 'краснотал, верба', 'ива ушастая', 'заросли на сырых, низких местах', 'кора ивы', брид 'заросли на сырых, низких местах' пск., *бред, брѣд, брод* 'вид ивы', 'заросли ивы', 'кора ивы, идущая для выделки кожи, дубления', брид 'вид ивы, кора' новг., *бред*, -а 'ива' пск., 'род ивы, бредь 'ива, лоза, раkitина' волог., 'дерево ива' || блр. *брѣд 'верба'* – 'растущая в грязном, топком месте', ср. Где вода, там верба, где верба, там вода [Аникин: 4: 180-181; 230-231]. В «Полном церковно-славянском словаре» *«верба* – дерево, подобное ивѢ или ветлѢ, обыкновенно растущее на влажныхъ мѣстах; вѣтви этого дерева вмѣсто ваи употребляются у насъ въ недѣлю Ваи на утрени. На вербиихъ посреѣдѣ его. Ваиа = вѣтви (пальмовыя). (по Остр. ев. вѣиѣ или вѣи, по другимъ вѣиа) [ПЦСС 1993: 71]. В «Этимологическом словаре» М. Фасмера читаем: *«вѣрба*, укр. верба́, др.-русск. вѣрба, ст.-слав. вѣрба, болг. вѣрба, сербохорв. вѣрба, чеш.vrba, словц. vřba, польск. wierzba, в.-луж. Wjerba, родственно лит. *virbas* «прут, стебель» [Фасмер: 1: 293]. Ср., др.-русск. *пруть* «прут», словен. *prôt*, полаб. *proť*. Вероятно, первонач. *«ветвь»*, родственно **prodъ-* «течение», др.-исл. *spretta* «прорасти, вскакивать, брызгать» [Фасмер: 3: 390].

В «Толковом словаре» В.И. Даля отмечено, что *«вѣрба* – название **дерев множества видов**: ива, ветла, лоза, бредина, раkitник, молокитник, шелюга, шелюжина, краснотал, белотал, тальник, ломашник; чернотал, чернолоз, сивый тальник, нвг. вѣрбина. В Астрах. говор. *вѣрба вместо дерева вообще* [Даль: 1: 178]. У древних славян *верба* символизировала первоисточник сотворения мира, *Древо Жизни*. В словаре М. Фасмера указывается на то, что латин. *arbor* (др. русск. *дерево*) восходит к и.-е. **ǵordh* – «высокий, выросший», др.-инд. *vrādhant-* «поднимающийся», *vārdhati* «растет, умножается», авест. *vərədaiti* «растет». М. Фасмер отмечает, что арм. *ordi* «сын», хетт. *hardu-* «правнук», славянское *rod* также восходит к и.-е. **ǵordh* [Фасмер: 3: 491]. В «Латинско-русском словаре» указано, что лексема *arbor* имеет архаичную форму *arbors, oris* «дерево», *origo* «род», *orior* 'зарождаться, вставать, восходить, появляться, вырастать, подниматься' [Дворецкий 2005].

Таким образом, лексемы *дерево, род, верба, ветвь, ива, прут, лоза, ветла, росток, поросль, роца* и другие, производные от них, являются этимологически родственными. В них заключено *единство «рода» и «роста»*, что позволяет показать целостность картины мира, где все рождается, растет, развивается, меняется и находится в постоянной взаимосвязи. В силу этого можно предположить, что Бородинское поле выступает для русских людей в минуту тяжелейшего испытания бродом к

жизни, той жизни, в которой «скрыта» верба как символ веры и самого рождения на земле, которое вечно и неискоренимо вопреки войне и смерти.

Географическое описание реки *Колочь (также Колоча)* как о реке равнинного типа в Можайском районе Московской области России, правом притоке Москвы-реки, известно всем. О ней написано достаточно много в исторических источниках о Бородинском сражении. Обратим внимание на несколько деталей из описания очевидца Ф.Н. Глинки. «Следуя глазами за протяжением главной линии к левой стороне, вы упираетесь на левом фланге в *болото, покрытое частым лесом*», «На поле главного сражения Отечественной войны 1812 года – Бородинском, которое издавна называли *«поле-море»*, рельеф отнюдь не гладкий и не простой. Зато какие названия Бородинских рек и ручьев... Странные и страшные названия речушек и ручьев, идущие из тьмы веков, говорят сами за себя: *Колочь, Война, Стонец, Огник, Каменка...* С кем и когда сражались здесь предки легендарных гренадеров, гусаров, кавалергардов, казаков?» [Лученецкая-Бурдина 2002].

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) зафиксировано диалектное слово *колча* в значении ‘низкое заболоченное место с кочками, пеньками, островками кустов и камыша’. Лебед. Тамб., Цветков [СРНГ: 14: 202]. В.И. Даль обращает внимание на этимологически родственное слово с тем же корнем *-кол- кóлок* в значении ‘камышевый островок, колочный, колковый, к кóлку относящийся, а также с лексему *калáчь (кал-ачь, кóло, колесо?)* в значении ‘круглый проток, оток, впавший в ту же реку; крутой огиб реки вокруг острова или полуострова, отóк’ [Даль: 2: 140]. Сравним в «Русском диалектном этимологическом словаре. Лексика контактных регионов» С.А. Мызникова этимологически родственное слово *ка́лтус*, имеющее следующие значения: 1) ‘покрытое водой болото’, ‘растущий на болоте кустарник’, ‘чаща дремучего леса’; 2) ‘топкое, зыбкое место на болоте’; 3) ‘болото’; 4) ‘топкое болото в пойме реки, поросшее кустарником’; 5) ‘сырое и низкое заболоченное место’; 6) ‘трясина’; 7) ‘ущелье, расположенное между двумя хребтами и переходящее в болотистую долину’; 8) ‘растущий на болоте кустарник», ‘чаща дремучего леса’; 9) островок среди болота, поросший кустарником или покрытый мелколесьем’; 10) ‘низкое, заболоченное, топкое место; болотó (как правило, большого размера, травянистое или моховое)’. Сопоставляется с самодийскими данными, ср. ненец. kalž ‘илистое место’, при фин. kaltio ‘источник, родник’ [Мызников 2019: 323-324].

В связи с этим обращает на себя внимание диалектное слово *колóмище*, имеющее значения: 1) ‘глубокое место в реке’, ‘водоворот’ – Меня чуть не затянуло в коломище.; 2) ‘могила, место могил’; это значение отмечается по памятникам письменности в XVI веке. И.И. Срезневский предлагает финскую этимологию, фин. *kalmisto*; вероятно, связано с др.-

русск. *коло* ‘круг, дуга, колесо’. Ср. новые данные по прибалтийско-финским языкам: фин. *kalma* ‘смерть; могила; загробный мир’, *kalmisto* ‘кладбище’, кар. *kalma* ‘могила’, *калмаžikko* ‘кладбище’, ливв. *kalmu* ‘могила’, *kalmisto, kalmožemu* ‘кладбище’, люд. *калмиžем* ‘кладбище’, эст. *kalm* ‘неосвящённое кладбище, могильный холм’, саам. лул. *kal'mē* ‘могила’, морд. эрз. *kalmo*, мокш. *калмă* ‘могила’, вепс. *kaum, koum, kām* ‘могила’, *kaumišt', kāmišt'* ‘кладбище’, водск. *kalmo* ‘кладбище’ [Мызников 2019: 323-324].

Река *Войня* (варианты: *Воинка, Вóйна*) – левый приток реки Колочи, ее устье находится у деревни Бородино. В «Русском этимологическом словаре» А.Е. Аникина зафиксировано слово *вой* в значении ‘наледь, ледяной нарост’, ‘котловина, яма в реке (с водоворотом)’ [Аникин: 8: 108].

Выше мы уже отмечали, что *коломище* также имеет значение «глубокое место в реке», ‘водоворот». «Странные и страшные», по мнению Ф.Н. Глинки, названия вовсе не несут в себе этимологию боя, однако они содержат не менее страшные предзнаменования.

Итак, если перед нами поле, которое представляет водную и во многих местах заболоченную землю, то река *Колоча* вызывает в сознании современника сражения не битву, «где колотятся», что более характерно для народной этимологии нынешнего века, а параллели с *болотом*, которое, с одной стороны, несет гибель, опасность, неизвестность, рождает страх и прерывает путь, то, с другой стороны, еще определеннее указывает на смерть, могилу и древнее кладбище. Вместе с тем, корень *коло*, характерный для очень многих универсальных понятий, приближает к вечному кругу бытия, поочередной сменяемости жизни и смерти, подобной сменяемости времен года и свершению круговорота воды в природе. Отсюда название романа-эпопеи уже воспринимается не как противопоставление двух взаимоисключающих категорий, а как целостность противоречивого и драматического существования человеческой цивилизации.

Река в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» связана с военными сражениями, когда переправа через реку является началом войны (Неман) и ее завершением (Березина). В сакральном смысле река – граница между миром живых и мертвых, носительница смерти и болезни, символ изменчивости и текучести жизни, непобедимой силы природы.

Древние реки *Неман, Виля* на пути Наполеона не прощают безрассудство, историческое и сакральное значение названия является предсказанием, которое не «прочитывается» ни Наполеоном, ни войском: река «обманывает», «колдует», предвещая смерть.

Реки *Неман, Березина* у Толстого не представляет «открытый» локус. Действие сконцентрировано на определенном участке реки, где ведется переправа, поэтому «ядро и периферия» у Толстого выглядят следующим образом: *река – ледяная вода – переправа – мосты – лодки*. В

пространстве войны река ограничена переправой и связана с героизмом или трагической гибелью людей, их бесстрашием или страхом.

Этимология Бородинского поля, расположенного у рек *Колычь (Колыча)* и *Войня*, помогает увидеть следующее: изначальное происхождение номинации от слова **брод**. *Бородино* – деревня у *брода*. *Бородинское поле* – местность, пересекаемая реками, ручьями, «земля болотистая», а значит, связанная с исконными смыслами *брода и болота*. По мысли Толстого в романе-эпопее «Война и мир», это поле случайное, такое, как тысячи других, но в силу историко-семантических смыслов отнюдь не случайное. Исторический фатализм писателя, определяемый как вера в Божье Провидение, назначение, угаданное народом и армией, которое заключалось в том, чтобы остановить Наполеона и даровать России свободное национальное будущее, оказывается подкреплен древним языковым смыслом. Цепь единства *брода с деревом, родом, вербой, ветвью, ивой, прутом, лозой, ветлой, ростком, порослью, рощей* доказывает *единство «рода» и «роста»*. В сложнейших условиях Бородинского поля победа добыта героизмом, который питается силами природы, верой в справедливое назначение народа и самопожертвованием отдельного человека.

Смерть во имя жизни как идея закреплена в древних названиях гидронимов *Неман, Виляя, Колыча*, которые в художественном пространстве Л.Н. Толстого при правильном прочтении, на наш взгляд, вносят существенные коррективы в традиционное понимание изображенных военных событий.

Библиографический список

Андреева Е.П. Л.Н. Толстой художник в последний период деятельности. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. 270 с.

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2007. Вып. 1-17.

Асмус В.Ф. Мировоззрение и эстетика Л.Н. Толстого // Вопросы теории и истории эстетики: Сб. статей. М.: Искусство, 1968. С. 431–531.

Бабаев Э.Г. Из истории русского романа XIX века (Пушкин, Герцен, Толстой). М., 1984. 272 с.

Бабаев Э.Г. Очерки эстетики и творчества Л.Н. Толстого. М.: Изд-во МГУ. 1981. 198 с.

Березина – река на карте Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://touristam.com/berezina-reka.html> (дата обращения: 18.02.2024).

Билинкис Я.С. О творчестве Л.Н. Толстого. Л.: Сов. писатель, 1959. 414 с.

Герасимова Ю. Сражение при Березине. 1820 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/20447> (дата обращения: 18.02.2024).

Громов П.П. О стиле Льва Толстого. Диалектика души в «Войне и мире». Л.: Худож. лит, 1977. 484 с.

Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М.: Мол. гвардия, 1989. 287 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1989. Т. 1-4.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2005. 843 с.

Днепров В.Д. Изобразительная сила толстовской прозы // В мире Толстого. М., 1978. С. 53-103.

Днепров В.Д. Искусство человековедения: Из художественного опыта Льва Толстого. Л., 1985. 288 с.

Ерёмин Л.И. Рождение образа (О языке художественной прозы Льва Толстого). М., 1983. 191 с.

Есин А.Б. О двух типах психологизма // Чехов и Лев Толстой. М., 1980. С. 69-82.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.:1. Наука, 1977. 408 с.

Каган М. Морфология искусства. Историко-теоретические исследования внутреннего строения мира искусства. Л.: Искусство, 1972. 440 с.

Ковалёв В.А. Поэтика Л.Н. Толстого: Истоки, традиции. М.: Изд-во МГУ, 1983. 174 с.

Куприянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966. 324 с.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.

Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания // Из истории русской культуры. Т.V (XIX век). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 429-444.

Лученецкая-Бурдина И.Ю. Проза Л.Н. Толстого в литературном контексте 1870-1890-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Ярославль, 2002. 365 с.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.

Минералов Ю.И. Теория художественной словесности: Поэтика и индивидуальность. М.: Изд-во Лит. института им. А.М. Горького, 1997. 255 с.

Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.

Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л.Н. Толстого: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2013. 615 с.

Николаева Е.В. Художественный мир Льва Толстого: 1880-1900 годы. М., 2000. 271 с.

Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.

Одинокое В.Г. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века. Новосибирск: Наука, 1971. 192 с.

Откупщиков Ю.В. Βουροσθένης и Березина // Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 336-352.

Павлова И.Б. Мотивы воды и огня в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия «Русская филология». 2020. № 5. С. 111-120.

Поляков М.Я. В мире идей и образов: Историческая поэтика и теория жанров. М.: Сов. писатель, 1983. 367 с.

Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Сов. писатель, 1978. 446 с.

Поспелов Г.Н. Искусство и эстетика. М.: Искусство, 1984. 325 с.

Поспелов Г.Н. Проблемы литературного стиля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 330 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. 342 с.

Потебня А.А. Черновые заметки о Л.Н. Толстом и Достоевском // Вопросы теории и психологии творчества. Том V. Харьков, 1914. С. 263-292.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.

ПЦСС – Полный церковно-славянский словарь / Сост.: прот. Г. Дьяченко. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 1120 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин. М., Л., СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).

Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х тт. Война и мир / Коммент. Г.В. Краснова и Н.М. Фортунатова. М.: Худож. лит., 1981.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 18.02.2024).

Федченко О.Д. Балтская гидронимия центральной России // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (4). С. 104–127.

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: семидесятые годы. Л.: Худож. лит., 1974. 359 с.

References

Andreeva E.P. L.N. Tolstoj xudozhnik v poslednij period deyatel'nosti. Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. un-ta, 1980. 270 s.

Anikin A.E. Russkij e'timologičeskij slovar'. Rossijskaya akad. nauk, In-t russkogo yaz. im. V.V. Vinogradova, In-t filologii Sibirskogo otd-niya RAN. M.: Rukop. pamyatniki Drevnej Rusi, 2007. Vy`p. 1-17.

Asmus V.F. Mirovozzrenie i e`stetika L.N. Tolstogo // Voprosy` teorii i istorii e`stetiki: Sb. statej. M.: Iskusstvo, 1968. S. 431–531.

- Babaev E.G. Iz istorii russkogo romana XIX veka (Pushkin, Gercen, Tolstoj). M., 1984. 272 s.
- Babaev E.G. Ocherki e`stetiki i tvorchestva L.N. Tolstogo. M.: Izd-vo MGU. 1981. 198 s.
- Berezina – reka na karte Belarusi [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://touristam.com/berezina-reka.html> (data obrashheniya: 18.02.2024).
- Bilinkis Ya.S. O tvorchestve L.N. Tolstogo. L.: Sov. pisatel`, 1959. 414 s.
- Gerasimova Yu. Srazhenie pri Berezine. 1820 [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/20447> (data obrashheniya: 18.02.2024).
- Gromov P.P. O stile L`va Tolstogo. Dialektika dushi v «Vojne i mire». L.: Xudozh. lit, 1977. 484 s.
- Davy`dov Yu.N. E`tika lyubvi i metafizika svoevoliya: Problemy` npravstvennoj filosofii. M.: Mol. gvardiya, 1989. 287 s.
- Dal` V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka. 1989. T. 1-4.
- Dvoreczkij I.X. Latinsko-russkij slovar`. M.: Rus. yaz., 2005. 843 s.
- Dneprov V.D. Izobrazitel`naya sila tolstovskoj prozy` // V mire Tolstogo. M., 1978. S. 53-103.
- Dneprov V.D. Iskusstvo chelovekovedeniya: Iz xudozhestvennogo opy`ta L`va Tolstogo. L., 1985. 288 s.
- Eryomina L.I. Rozhdenie obraza (O yazy`ke xudozhestvennoj prozy` L`va Tolstogo). M., 1983. 191 s.
- Esin A.B. O dvux tipax psixologizma // Chexov i Lev Tolstoj. M., 1980. S. 69-82.
- Zhirmunskij V.M. Teoriya literatury`. Poe`tika. Stilistika. L.:1. Nauka, 1977. 408 s.
- Kagan M. Morfologiya iskusstva. Istoriko-teoreticheskie issledovaniya vnutrennego stroeniya mira iskusstva. L.: Iskusstvo, 1972. 440 s.
- Kovalyov V.A. Poe`tika L.N. Tolstogo: Istoki, tradicii. M.: Izd-vo MGU, 1983. 174 s.
- Kupreyanova E.N. E`stetika L.N. Tolstogo. M.; L.: Nauka, 1966. 324 s.
- Losev A.F. Filosofiya. Mifologiya. Kul`tura. M.: Politizdat, 1991. 525 s.
- Lotman Yu.M. O russkoj literature klassicheskogo perioda. Vvodny`e zamechaniya // Iz istorii russkoj kul`tury`. T.V (XIX vek). M.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 2000. S. 429-444.
- Luchenezkaya-Burdina I.Yu. Proza L.N. Tolstogo v literaturnom kontekste 1870-1890-x gg.: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Yaroslavl`, 2002. 365 s.
- Meletinskij E.M. O literaturny`x arhetipax. M.: RGGU, 1994. 136 s.
- Mineralov Yu.I. Teoriya xudozhestvennoj slovesnosti: Poe`tika i individual`nost`. M.: Izd-vo Lit. instituta im. A.M. Gor`kogo, 1997. 255 s.
- My`znikov S.A. Russkij dialektny`j e`timologicheskij slovar`. Leksika kontaktny`x regionov. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 1076 s.
- Nagina K.A. Prostranstvenny`e universalii i xarakterologicheskie kollizii v tvorchestve L.N. Tolstogo: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Voronezh, 2013. 615 s.
- Nikolaeva E.V. Xudozhestvenny`j mir L`va Tolstogo: 1880-1900 gody`. M., 2000. 271 s.
- Odinokov V.G. Poe`tika romanov L.N. Tolstogo. Novosibirsk: Nauka, 1978. 160 s.
- Odinokov V.G. Problemy` poe`tiki i tipologii russkogo romana XIX veka. Novosibirsk: Nauka, 1971. 192 s.
- Otkupshhikov Yu.V. Βορυσθένης i Berezina // Otkupshhikov Yu.V. Iz istorii indoevropejskogo slovoobrazovaniya. SPb.: SPbGU, 2005. S. 336-352.
- Pavlova I.B. Motivy` vody` i ognya v romane-e`popoe L.N. Tolstogo «Vojna i mir» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya». 2020. № 5. S. 111-120.
- Polyakov M.Ya. V mire idej i obrazov: Istoricheskaya poe`tika i teoriya zhanrov. M.: Sov. pisatel`, 1983. 367 s.
- Polyakov M.Ya. Voprosy` poe`tiki i xudozhestvennoj semantiki. M.: Sov. pisatel`, 1978. 446 s.
- Pospelov G.N. Iskusstvo i e`stetika. M.: Iskusstvo, 1984. 325 s.
- Pospelov G.N. Problemy` literaturnogo stilya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970. 330 s.
- Potebnya A.A. Teoreticheskaya poe`tika. M.: Vy`ssh. shk., 1990. 342 s.
- Potebnya A.A. Chernovy`e zametki o L.N. Tolstom i Dostoevskom // Voprosy` teorii i psixologii tvorchestva. Tom V. Xar`kov, 1914. S. 263-292.
- Potebnya A.A. E`stetika i poe`tika. M.: Iskusstvo, 1976. 614 s.
- PCZSS – Polny`j cerkovno-slavyanskij slovar` / Sost.: prot. G. D`yachenko. M.: Izdatel`skij otdel Moskovskogo patriarxata, 1993. 1120 s.
- SRNG – Slovar` russkix narodny`x govorov / sost. F.P. Filin. M., L., SPb.: Nauka, 1965–2019. Vy`p. 1–51 (izdanie prodolzhaetsya).
- Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij. V 22-x tt. Vojna i mir / Komment. G.V. Krasnova i N.M. Fortunatova. M.: Xudozh. lit., 1981.
- Fasmer M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (data obrashheniya: 18.02.2024).

Fedchenko O.D. Baltskaya gidronimiya central'noj Rossii // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2020. № 6 (4). S. 104–127.
E`jxenbaum B.M. Lev Tolstoj: semidesyaty`e gody`. L.: Xudozh. lit., 1974. 359 s.